

Оригинальная статья

УДК 316.43

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38>

Почему китайское «общество» так называют: как социально-управленческий дискурс на рубеже XIX–XX вв. определил выбор термина

Евгений Владимирович Кремнёв

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия,
kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>*

Введение. Цель данной статьи заключается в исследовании причин выбора термина «шэхуэй» для обозначения понятия «общество» в Китае на рубеже XIX–XX вв. Научная новизна работы проявляется в комплексном анализе социально-управленческого дискурса того времени и выявлении факторов, повлиявших на терминологический выбор. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания процессов формирования социальных наук в Китае, что необходимо для интерпретации современных социально-политических процессов в стране, в том числе в русле современной социологии управления. Это особенно важно для российской социологии, в сферу интересов которой входит поиск взаимовыгодных стратегий взаимодействия российского и китайского социумов, что невозможно без изучения подходов Китая к управлению процессами развития страны, ее внутренних и внешних социальных связей.

Методология и источники. В исследовании применяются системно-исторический подход, а также дискурсивный, терминологический, этимологический и факторный анализ. В работе использованы классические китайские тексты и труды китайских просветителей конца XIX – начала XX вв., а также некоторые материалы, собранные современными исследователями, в частности Н. М. Калюжной.

Результаты и обсуждение. Основными результатами исследования стали выявление и анализ внутривнутриполитических, социальных, внешнеполитических и лингвистических факторов, определивших социально-управленческий дискурс исследуемого периода и выбор в пользу «шэхуэй» среди основных терминов, конкурировавших за право обозначать понятие «общество». Указывается, что процесс формирования социально-управленческого дискурса шел в русле постепенного снижения влияния традиционализма и усиления идей антимонархизма, народовластия и самоуправления.

Заключение. Подчеркивается, что термин «шэхуэй» стал одним из ключевых в социально-управленческом дискурсе Китая на рубеже веков, отражая мировые социально-политические тенденции. Выбор этого термина является результатом сложного взаимодействия различных факторов формирования дискурсивных практик, которые в дальнейшем сами видоизменялись под воздействием указанного термина и его производных.

Ключевые слова: Китай, общество, социально-управленческий дискурс, дискурсивные практики, традиционализм, терминология

© Кремнёв Е. В., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Кремнёв Е. В. Почему китайское «общество» так называют: как социально-управленческий дискурс на рубеже XIX–XX вв. определил выбор термина // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 2. С. 29–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38.

Original paper

Why Chinese “Society” is So Called: How Social and Managerial Discourse Caused the Choice of the Word at the Turn of the 19th and 20th Centuries

Evgeny V. Kremnyov

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia,
kremnyov2005@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>*

Introduction. The purpose of this article is to investigate the reasons for the choice of the term “shehui” to designate the concept of “society” in China at the turn of the 19th and 20th centuries. The research novelty of the work is manifested in the complex analysis of social and managerial discourse of that time and in the identification of factors that influenced the terminological choice. The relevance of the study is conditioned by the necessity to understand the processes of formation of social sciences in China, which is important for the interpretation of modern socio-political processes in the country, including in the context of modern sociology of management. This is especially important for Russian sociology, since its area of interest includes the search for mutually beneficial strategies of interaction between Russian and Chinese societies. And this is impossible without studying China's approaches to managing the country's development processes, its internal and external social relations.

Methodology and sources. The study applies a system-historical approach, as well as discursive, terminological, etymographic and factor analysis. The paper analyzes classical Chinese texts and works of Chinese enlighteners of the late 19th and early 20th centuries, and also uses some materials collected by modern researchers, in particular, by N.M. Kalyuzhnaya.

Results and discussion. The main results of the study were the identification and analysis of factors (including internal political, social, foreign policy and linguistic factors) that determined the social and managerial discourse of the period under study and the choice in favor of “shehui” among the main terms competing for the right to designate the concept of “society”. Author pointed out that the process of formation of social and managerial discourse was in line with the gradual decline in the influence of traditionalism and strengthening of the ideas of anti-monarchism, people's power and self-government.

Conclusion. Author emphasized that the term “shehui” became one of the key terms in the social and managerial discourse of China at the turn of the century, reflecting global socio-political trends. The choice of this term is the result of a complex interaction of various factors in the formation of discursive practices, which themselves were further modified under the influence of the term and its derivatives.

Keywords: China, society, social and managerial discourse, discursive practices, traditionalism, terminology

For citation: Kremnyov, E.V. (2024), “Why Chinese “Society” is So Called: How Social and Managerial Discourse Caused the Choice of the Word at the Turn of the 19th and 20th Centuries”, *DISCOURSE*, vol. 10, no. 2, pp. 29–38. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-2-29-38 (Russia).

Введение. В конце XIX – начале XX вв. Китай встал перед цивилизационным выбором. Общий упадок Цинской империи и проигранная Японией война (1894–1895 гг.) показали миру отсталость Китая в социальном, научно-техническом и культурном плане. Перед китайским обществом стояла очень серьезная задача, которая осложнялась отсутствием у китайцев понимания, что же такое «общество» в принципе. В китайской традиционной науке такого понятия не сложилось, и новые, прогрессивные формы общественных отношений китайские просветители пытались найти в западной и японской литературе по социологии, политологии, экономике и другим социальным наукам. В связи с этим им требовались эквиваленты для перевода, которые они активно искали, фактически выстраивая совершенно новое для Китая дискурсивное поле.

«Общество» в этом поиске различных терминов было базовым звеном, вокруг него вращались вопросы экономики, политики, культуры, религии, а также управления: именно в разработке эффективных методов управления обществом китайские интеллектуальные элиты видели ответы на многие вопросы социального развития. В связи с этим «общество» оказалось в центре своего рода терминологической битвы, в результате которой и был выбран используемый сегодня эквивалент. Основная борьба развернулась между терминами «цюнь» (群), «шэхуэй» (社会), «го» (国) и «ши» (世) [1]. Цель настоящей статьи – выявить факторы, повлиявшие на формирование социально-управленческого дискурса того времени и, как следствие, на закрепление лексемы «шэхуэй» в качестве базового эквивалента, что важно для современной социологии управления, изучающей управленческие процессы в Китае. Это особо актуально для России, которая сегодня формулирует задачу как выстроить с Поднебесной партнерские отношения на взаимовыгодных условиях, что невозможно без понимания того, какие принципы лежат в основе понимания Китаем концепции управления в целом и социального управления в частности.

Методология и источники. Базовыми методами работы послужили системно-исторический подход, дискурсивный, терминологический, этимологический и факторный анализ. В статье использованы некоторые материалы, собранные и проанализированные Н. М. Калюжной в труде «Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX века)» и другими современными исследователями, а также работы китайских просветителей конца XIX – начала XX вв. и некоторые классические китайские тексты.

Результаты и обсуждение. Термин «цюнь» в значении «общество» присутствовал в работах китайских просветителей Чжан Бинлиня (также известного как Чжан Тайянь), Лян Цичао, Янь Фу, Кан Ювэя, Ян Ду, Сунь Ятсена и др. Его достаточно высокая популярность была связана с тем, что он был заимствован из традиционной китайской науки. Многие общественные деятели, не желавшие принять идею полного торжества западных наук над китайскими, постоянно искали подтверждение тому, что аналоги важных общемировых концепций присутствуют в китайской культуре, нужно лишь верно их интерпретировать и вернуть в обиход. В число таковых попал термин «цюнь».

В соответствии с определениями в «Большом словаре китайских иероглифов» [2] и словаре «Происхождение слов» («Цы юань», 辞源) [3] слово имеет следующие значения: 1) группа диких или домашних животных числом более трех (т. е. стадо, стая); 2) друзья одного поколения (т. е. товарищи, единомышленники); 3) вид, род, категория; 4) объеди-

няться; 5) группа людей (т. е. сообщество, клика, круги и т. п.); 6) восстановить дружбу; сладиться (об отношениях); 7) следовать обычаям; 8) большинство; 9) множество; 10) родня.

Этимологический анализ иероглифа 群 показывает, что первоначальным значением было именно «стадо»: в нем присутствуют знаки 尹 – «рука, держащая палку, посох» и 羊 – «баран». Все это может указывать на то, что первоначально иероглиф изображал стадо баранов под присмотром пастуха.

Предполагается, что первым, кто метафорически перенес это значение на человеческое общество, был философ Сюнь-цзы (ок. 298–238 гг. до н. э.), который в своем трактате достаточно часто использует знак 群 в значении «жить сообща», «совместная жизнь» [4], «общество» [5] (примеры приводятся в переводе В. Ф. Феоктистова):

– «Благодаря чему люди могут жить сообща? Отвечаю: благодаря разделению [обязанностей]».

– «Люди, живя в мире, не могут не жить сообща; если же они живут сообща, но [при этом] не осуществляют деления [обязанностей], тогда возникает соперничество. Когда возникает соперничество – это приводит к беспорядку».

– «Быть правителем – значит уметь [заставить людей] жить сообща».

Однако Сюнь-цзы не переносит значение «стада» на людей бездумно, напротив, он противопоставляет умение людей «жить сообща» тому, как сосуществуют животные, подчеркивая осознанный характер человеческой общинности: «Люди способны жить сообща, в то время как бык и лошадь не обладают этой способностью».

Вместе с тем наиболее часто знак «цюнь» употреблялся в китайской классической литературе в значении «большинство», «множество», об этом свидетельствуют данные, приведенные в «Исследовании истории концепций» [6]. Тем не менее оно вошло в активный лексикон просветителей как эквивалент слова «общество». Игнорировалась и отсылка к «стаду»: иероглиф интерпретировался в конфуцианском значении, и в нем в первую очередь выделялся знак 君 – «правитель», «благородный муж» (от изображения человека с жезлом в руке). Это, по мнению философов и общественных деятелей из промонархических кругов, указывало на нерушимую связь правителя и общества, в частности, такого мнения придерживались Лян Цичао [7] и Оу Цзюйцзя [8]. При этом Лян Цичао приписывают первенство в употреблении слова «цюнь» в значении «общество». Кроме того, Янь Фу использовал его в одном из первых крупных переводов западных социологических работ – книги Г. Спенсера “Study of Sociolog”, ее перевод вышел в 1903 г. [9].

Вторым претендентом на роль «общества» стало слово «шэ хуэй» (社会). В этом значении его использовали не только такие известные ученые и общественники, как Чжан Бинлинь, Сунь Ятсен, Ху Ханьминь и Ван Цзинвэй, но и упомянутые Лян Цичао и Янь Фу, которые вначале предпочитали термин «цюнь». Анализ лексемы «шэ хуэй» показывает следующие этапы эволюции ее значений: 1) общий сход деревенской общины для принесения жертвы духу земли в начале весны и осени [6]; 2) сельская община («Старая книга истории эпохи Тан», написана в 941–945 гг.) [10]; 3) коллектив, группа с общими интересами («Изложение деяний учителя светлого пути», 1085 г.) [11]; 4) тайное общество («Свод сведений о важнейших событиях династии Сун», создан в начале XIX в.) [12]; 5) общество (конец XIX в., первоначально – в японских источниках [13], также в терминах «социализм», «социология» и пр.) [14].

На то, что слова «ши» (世 – «мир», «время», «эпоха», «поколение») и «го» (國 – «страна», «государство») также некоторое время выступали в китайских текстах того времени как эквивалент слова «общество», обращает внимание, в частности, Н. М. Калюжная [1]. Так, слово «ши» в таком значении употребляли Чжан Бинлинь [15–17], Цзюнь Янь, Юань Сунь и другие ученые, а слово «го» – Лян Цичао [18], Ли Цюнь, Сунь Ятсен и др.

Последние два употреблялись как эквиваленты «общества» лишь от случая к случаю и довольно скоро перестали выступать таковыми, как только общественный дискурс усложнился и пришло понимание, что «общество» – это отдельная концепция, не совпадающая по содержанию с «миром», «эпохой» или «страной». Основная борьба развернулась между лексемами «цюнь» и «шэхуэй», но уже к 1904 г. первый значительно уступает второму, и хотя «цюнь» встречается в значении «общество» вплоть до 1915 г., но это происходит все реже и реже, пока «шэхуэй» окончательно его не вытесняет.

Следует отметить, что победе термина «шэхуэй» способствовал активно формирующийся социально-управленческий дискурс того времени [19]. Можно выделить несколько взаимосвязанных факторов, одновременно повлиявших на его формирование и выбор в пользу лексемы «шэхуэй».

Одним из важнейших стал внутривластный фактор: усиление в социально-управленческом дискурсе антимонархических настроений. Цинская власть продемонстрировала свою несостоятельность на протяжении всей второй половины XIX в. Кроме того, дворцовый переворот 1898 г., который привел к власти императрицу Цыси и стал причиной свертывания проекта «100 дней реформ», показал неготовность власти к переменам даже ценой отставания Китая. При этом, будучи маньчжурской династией, Цины воспринимались как захватчики, что вкупе с их политической слабостью сделало династию мишенью части интеллектуальной элиты. Вместе с ростом антимонархических настроений возрастала критика традиции и традиционных терминов. В таких условиях термин «цюнь», в трактовке того времени отсылающий к связи императора и подданных, начал терять свою популярность, пока полностью ее не утратил.

Другим фактором можно назвать социальный: влияние на формирование социально-управленческого дискурса деятельности тайных обществ. Поскольку инакомыслие активно преследовалось Цинским двором, все большее количество людей объединялось тайно. В основном общества создавались для обсуждения насущных проблем и оказания взаимной поддержки в трудной жизненной ситуации, однако в них культивировалось и новое мировоззрение. Прогрессивная интеллигенция симпатизировала им, и сама активно участвовала в их деятельности. По разным оценкам, число тайных обществ в эпоху Цин могло составлять от трехсот до четырехсот. Все это поспособствовало популяризации термина «шэхуэй», которым тайные общества именовались в то время.

Довольно значимым следует считать и внешнеполитический фактор: влияние Японии на развитие Китая и его социально-управленческого дискурса в частности. Япония, раньше Китая реформировавшая свою науку, стала для Китая проводником в новый тип знания. В Японии обучались многие китайские просветители и интеллектуалы. С японского переводилось множество философских, политических и социологических текстов, в том числе западных. В Японии печатались многие китайские прогрессивные издания, поскольку в са-

мом Китае за их публикацию преследовали. Таким образом, принятая в Японии в качестве основного эквивалента термина «общество» лексема «шэхуэй» активно использовалась китайскими авторами вслед за японскими.

Кроме того, следует выделить и несколько лингвистических факторов, которые исходят из предыдущих. Во-первых, это семантическая близость термина «шэхуэй» обновленному социально-управленческому дискурсу. «Шэхуэй», семантически связанный с обозначением сельской общины и тайных обществ, имел гораздо больше шансов для выживания, нежели традиционно и монархически ориентированный «цюнь». Как в древнем, так и в современном значении первая лексема в гораздо большей степени отражала новые идеи самоуправления, народовластия, социальной активности и солидарности. Во-вторых, была выражена графическая доступность термина «шэхуэй» при заимствовании из японского. Он записывался в японском языке теми же иероглифическими знаками, что и в китайском. Другими словами, популяризации термина косвенно способствовало то, что Япония ранее заимствовала китайское письмо, отчего термин выглядел доступно – графически и семантически понятно. В-третьих, у лексем «шэхуэй» была гораздо более высокая продуктивность: она активно использовалась для образования слов и словосочетаний: «социология», «социализм», «социалистические партии», «общественная мораль» и т. п. В то же время «цюнь» таким багажом не обладал: если слово «цюньсюэ» (群学 – «социология») некоторое время использовалось, то, например, для обозначения «общественной морали» традиционалисты применяли иной термин из классических текстов – «гун дэ» (公德), с «цюнь» лексически не связанный. В этом выражении значение «общественный» берет на себя знак «гун» (公), другим традиционным значением которого были «государь», «государственный». Связь этих двух значений исходила из того, что общие, общественные дела (гун, 公) приравнивались к государственным в противопоставление частным делам (сы, 私) каждого простого человека. Эта традиционная концепция тоже представлялась отсталой, поскольку, по мнению прогрессивных деятелей и противников монархии, например Линь Се, способствовала формированию пассивности граждан: простой народ делал вывод, что общественными делами надлежит заниматься только государю и чиновникам, людям же остались только их частные семейные дела.

С связи с тем, что слово «цюнь» не смогло закрепиться в значении «общество», его ждала другая судьба, гораздо более близкая к его первоначальному значению «стадо», а также «масса», «множество». Так, выражение «жэнь цюнь» (人群), которое должно было означать «человеческое общество», в современном китайском языке понимается как «толпа людей», а другими часто употребляемыми производными словами и сочетаниями являются, например, «табун лошадей» (马群), «народные массы» (также «беспартийные массы») (群众), «незаурядный» (超群, досл. «выделяться из толпы»), «этническая группа» (族群), «популяция» (种群, досл. «множество [одного] вида») и др.

Дальнейшее концептуальное наполнение социально-управленческого дискурса в Китае продолжалось в рамках сложившейся парадигмы восприятия общества не как зависимого от фигуры правителя, а как участника процесса социального управления. С приходом в 1949 г. к власти Коммунистической партии Китая эта парадигма только усиливается, поскольку в марксистской социологии управленческая концепция была построена на передаче власти народу, а

устоявшийся термин «шэхуэй» по-прежнему нес и несет в себе семантику «большого собрания», «общего схода» (знак 会 «хуэй» и сегодня означает «сход», «собрание», «встреча»).

Усиление социально-ориентированных процессов во всем мире повлияло и на Китай. Вместе с мировой наукой и практикой туда ко второй половине XX в. лавинообразно приходят все «социальные» понятия и термины, которые по большей части переводятся калькой. «Шэхуэй» используется в подавляющем большинстве тех выражений, где есть компонент «общество»/«сообщество» или «социальный»/«общественный»: от «общественного строя» (社会适度) до «социалистической партии» (社会党) в марксистском дискурсе, а также научном и общественно-политическом: «общественные организации» (社会组织), «социальное обеспечение» (社会保障), «мировое сообщество» (国际社会) и т. д. Не отстает и разговорный социальный дискурс, порождающий новые речевые практики, не контролируемые сверху. Так, вполне нейтральный термин «социальная молодежь» (работающие молодые люди, антоним слова «студент», другими словами, «социализованная молодежь») в народе стал означать прямо противоположное – «безработная молодежь», «праздно шатающая молодежь». Это произошло после того, как городская молодежь во время Культурной революции (1966–1977) была направлена не на обучение в вузы, а на перевоспитание в села, а после возвращения в города уже не могла найти себе работу. Были и обратные семантические переходы: негативный термин «связаться с дурной компанией» (混社会, досл. «смешаться с обществом») во времена экономических реформ стал означать «уметь выживать», «крутиться», «обрастать связями». «Шэхуэй» перспективно работает и в других разговорных выражениях: «мафия» (黑社会, досл. «темное общество»), «искать заработок на чужбине» («闯荡社会», досл. «скитаться в обществе») и др.

Разрыв, связанный с запретом социологии в 1953–1979 гг., не помешал идеям самоуправления социума и общественного участия развиваться и далее, после 1979 г. С возвращением социологии в научное и общественное поле значимое место в ней начинают занимать идеи социального управления, т. е., с одной стороны, такой организации общественных процессов, которая способствует социальному развитию и удовлетворению нужд общества, с другой – процессов, предполагающих широкое участие самого общества в принятии решений. Эта социальная ориентация управления, заложенная в 1980-х, выходит на новый уровень после 2012 г., с приходом к власти нового поколения лидеров во главе с Си Цзиньпином. Внутриполитический курс этой эпохи связан не только с активной китаизацией общественных и научных процессов, но и с усилением властной вертикали, однако социально ориентированный дискурс управления оказывается чрезвычайно устойчивым и поддерживается руководством страны.

Увидеть это можно по смене концептуально-терминологической парадигмы, инициированной в 2013 г. на самом верху, на пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая. Новая парадигма была направлена на то, чтобы изменить подходы к управлению: так, ранее используемый в значении «социальное управление» термин «шэхуэй гуаньли» (社会管理) в Постановлении ЦК КПК заменялся на другой – «шэхуэй чжили» (社会治理). Старый термин является устойчивым эквивалентом английского «social management», что не соответствует новому курсу на китаизацию и усиление роли партии и государства. Однако, несмотря на то, что в новом термине, который часто переводят как «social governance», очевидны «властные» коннотации (присутствует знак 治, «политика», «власть»), там не менее его ак-

тивно трактуют как термин, подчеркивающий взаимодействие правительства и общества и участие социума в процессах управления. Это подтверждается и реальной практикой: власти Китая постоянно ищут способы привлечь население к участию в решении вопросов развития на низовом уровне, оставляя за собой макропроцессы управления. Другими словами, поддерживая социальный дискурс управления, власти Китая решают проблему соединения двух разновекторных тенденций: усиления партийно-государственного влияния на социальные процессы и повышения активности населения в решении социально значимых проблем. Таким образом, «общество» в сформировавшемся в конце XIX в. значении продолжает определять современный социально-управленческий дискурс.

Заключение. Китайский социально-управленческий дискурс конца XIX – начала XX вв. сформировался в значительной степени как тяготеющий к мировой науке, а также общемировым социально-политическим тенденциям того времени: антимонархизм, народовластие, самоуправление. Традиционализм постепенно утратил свое влияние на общественно-политические процессы и обрел значимую силу лишь через сто лет, после разворачивания курса на китаизацию социума и политики уже в XXI в. А на рубеже XIX–XX вв. за словом «общество» закрепился отвечающий запросам того времени и употребляемый сегодня эквивалент – «шэжуэй». С тех пор он породил множество производных слов и словосочетаний, окончательно одержав победу над всеми конкурентами и определив содержание современного социально-управленческого дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калюжная Н. М. Проблемы социологии в трудах китайских просветителей (начало XX века). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2002.
2. 群 // 汉语大字典. 成都: 四川辞书出版社, 2010. 第 3134–3135页.
3. 群 // 辞源修订本. 第三分册. 香港: 商务印书馆, 1982. 第2263页.
4. Феоктистов В. Ф. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы: исследование и перевод. М.: Наука, 1976.
5. Классическое конфуцианство: в 2 т. Т. II. Мэн-цзы. Сюнь-цзы / пер. И. Т. Зограф. СПб.: ИД «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
6. 观念史研究: 中国现代重要政治术语的形成 / 金观涛著. 北京: 法律出版社, 2010.
7. 梁启超. 饮冰室文集之二·第二册. 北京: 中华书局, 1989.
8. 欧矩甲. 论大地各国变法皆由民起 // 时条报. 第五十册. 1898年一月三日.
9. Пан Давэй. К истории социологии в Китае // Социол. исслед. 2009. № 4. С. 130–136.
10. 旧唐书 / 刘昫等撰. 北京: 中华书局, 1975.
11. 程颐. 明道先生行状 // 近思录. 卷九. 治法. 台北: 金枫出版有限公司, 1997.
12. 宋会要辑本 / 杨家骆主编. 台北: 世界书局, 1964.
13. Веселова Л. С., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социол. исслед. 2018. № 7 (411). С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
14. 问答 // 新民丛报·第十一号. 1902年7月5日. 第2页.
15. 章太炎. 驳康有为论革命书 // 海上文学百家文库. 章太炎、刘师培卷. 上海: 上海文艺出版社, 2010.
16. 章太炎. 国家论 // 中国近代思想家文库. 章太炎卷. 北京: 中国人民大学出版社, 2015.

17. 章太炎. 建立宗教论 // 章太炎全集. 第4册. 上海: 上海人民出版社, 1985.
18. 梁启超. 变法通议 // 时务报. 1896年8月.
19. Кремнёв Е. В. Некоторые аспекты формирования термина «социология» («社会学») в Китае // Вестн. Ирк. гос. лингв. ун-та. 2012. № 4. С. 74–78.

Информация об авторе.

Кремнёв Евгений Владимирович – кандидат социологических наук (2008), доцент (2013), заведующий кафедрой китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета, ул. Карла Маркса, д. 1, Иркутск, 664003, Россия; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия. Автор более 100 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальное управление в Китае, трансдисциплинарная регионология.

*О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 17.01.2024; принята после рецензирования 22.02.2024; опубликована онлайн 23.04.2024.*

REFERENCES

1. Kalyuzhnaya, N.M. (2002), *Problemy sotsiologii v trudakh kitaiskikh prosvetitelei (nachalo XX veka)* [Sociology's Problems in the Works of Chinese Enlighteners (The Early 20th Century)], Institut Vostokovedeniya RAN, Moscow, RUS.
2. "Society" (2010), *The Great Chinese Dictionary*, Sichuan Cishu Chubanshe, Chengdu, CHN, pp. 3134–3135.
3. "Society" (1982), *Ci Yuan*, rev. ed., Shangwu Yinshuguan, Hong Kong, CHN, p. 2263.
4. Feoktistov, V.F. (1976), *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie vzglyady Syun'-tzy: issledovanie i perevod* [Philosophical and Socio-Political Views of Xunzi: Research and Translation], Nauka, Moscow, USSR.
5. *Klassicheskoe konfutsianstvo: v 2-kh t. T. II. Men'-czy. Syun'-czy* [Classical Confucianism, in 2 vol., vol. II. Mencius. Xunzi] (2000), Transl. by Zograf, I.T., ID "Neva", OLMA-PRESS, SPb., Moscow, RUS.
6. Jin, Guantao (2010), *Guannian shi yanjiu: Zhongguo xiandai zhongyao zhengzhi shuyu de xingcheng* [Research on the History of Concepts: The Formation of Important Modern Chinese Political Terms], Falyu Chubanshe, Beijing, CHN.
7. Liang, Qichao (1989), *Yinbingshi wenji zhi er. Di er ce* [Collected Works of Liang Qichao], vol. 2, Zhonghua Shuju, Beijing, CHN.
8. Ou, Jujia (1898), "On the Fact that All Changes in the Different Countries are Initiated by the People", *Shi Tiao Bao Newspaper*, no. 50, January 3, 1898.
9. Pang, Dawei (2009), "To the History of Sociology in China", *Sociological Studies*, no. 4, pp. 130–136.
10. Liu, Xu et al. (ed.) (1975), *Tang Jiu Shu* [Old Book of Tang], Zhonghua Shuju, Beijing, CHN.
11. Cheng, Yi (1997), "The Life of Master of Bright Path", *Jinsi Lu*, vol. 9, Jinfeng Chuban Youxian Gongsj, Taipei, TWN.
12. Yang, Jialuo (ed.) (1964), *Song Hui yao Ji ben* [Summary of the Most Important Events of the Song Dynasty], Shijie Shuju, Taipei, CHN.
13. Veselova, L.S., Deriugin, P.P. and Lebedintseva, L.A. (2018), "Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition", *Sociological Studies*, no. 7 (411), pp. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
14. "Questions and Answers" (1902), *Xin Min Cong Bao*, no. 11, July 5, p. 2.

15. Zhang, Taiyan (2010), "Refuting Kang Youwei's Theory of Revolution", *Hundred Literary Treasures of the Sea*, Shanghai Wenyi Chubanshe, Shanghai, CHN.

16. Zhang, Taiyan (2015), "On the State", *Library of Modern Chinese Thinkers*, Renmin Daxue Chubanshe, Beijing, CHN.

17. Zhang, Taiyan (1985), "On The Establishment of Religion", *Collected Works of Zhang Taiyan*, vol. 4, Shanghai Renmin Chubanshe, Shanghai, CHN.

18. Liang, Qichao (1896), "General Discussion on Reform", *Shi Wu Bao*, August.

19. Kremnyov, E.V. (2012), "Some aspects of evolution of the term "Sociology" ("社会学") in China", *Vestnik Irkutskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*, no. 4, pp. 74–78.

Information about the author.

Evgeny V. Kremnyov – Can. Sci. (Sociology, 2008), Docent (2013), Head of the Department of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Irkutsk State University, 1 Karla Marksa str., Irkutsk 664003, Russia; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, 25/14 7th Krasnoarmeiskaya str., St Petersburg 190005, Russia. The author of more than 100 scientific publications. Area of expertise: social management in China, transdisciplinary regionology.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 17.01.2024; adopted after review 22.02.2024; published online 23.04.2024.